A 3587 Рос 4-4 1-42а

№ 36

ЦЕНА 10 СЕНТ.

№ 36 «DIELO TROUDA» Journal Mensuel

Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:

Mme Moraine pour Dielo Trouda 12, rue Leneveux, Paris XIVe

Май 1928

48-1205

1-ое Мая 1928 года

Первые сведения о настроениях и действиях рабочего люда в этот день в разных странах достаточны, чтобы убедиться, что и в этом году нашим классовым врагам в значительной степени удалось либо выхолостить день, который должен быть международным праздником рабочих, либо раздавить подготовления к достойному проведению его.

Во многих местах социалисты, разведчики буржуазии и интеллигенции в пролетарском стане, убедили своих хозяев, наиболее проницательных и вдумчивых, в необходимости заблаговременно открыть предохранительные клапаны, разрешив законное празднование Труда, закрепощенного и довольного полусытым и рабским прозябанием.

В России другая ветвь социалистов государственников согнала на площади городов рабов государства, заставив их нести когда то гордые и боевые лозунги, теперь лишенные всякого действительного содержания, если вспомнить, как русские правители их растоптали, опозорили и изгадили на заводах и шахтах в подлинной жизни. Еще раз русские рабочие пошли под угрозой рассчета, ссылки, тюрьмы, оглядываясь на ушедших в плен очередных жертв пред-первомайской «чистки». Но они ушли, сжимая кулаки, затаив в сердце злобу против обманщиков и в этом залог нашего будущего успеха. Напрасно большевистские вожаки думают устрашить рабочее сопротивление, открывая 1-ое мая военным парадом на Красной Площади. На заводахъ помнят, как быстро железная выправка царской армии сменилась полной безпорядочной разрухой. И когда на улицах, украшенных еще первомайскими знаменами, партийные работники будут обниматься с эмирским крепостником, «падишахом Аманулой», у станков, в фабричном подполье воспрянет воля к борьбе с коммунистическим обманом.

На рабочих анархистов вновь ложится большая ответственность .Во вражеском лагере растет разложение; порой яркие признаки его распирают рамки цензуры и как в Шахтинском деле, выявляют истинное лицо большевистского строя. Здоровое стремление рабочего класса искать самому свои собственные пути, вновь пробуждается; он уже не только судорожно и отчаянно борется стачкой, отбивая невыплаченную получку, проламывая черепа техников, «нечаянно» падающими кирпичами с лесов построек, избивая порой самых ненавистных ему хозяйственников и спецов; на горе властям он не пытается просто залить свое горе сорокаградусной «рыковкой». Последние номера казенной печати с тревогой отмечают появление «нелегальных» касс взаимопомощи. Эти первые проблески опять напоминают нам о нашем долге. Стихийное недовольство рабочих может быть вновь использовано помощниками буржуазии всяких мастей, чтобы не только свергнуть ненавистную им диктатуру интеллигенции, но чтобы и заменить ее более или менее «просвещенной демократией», господством капитала; от анархистов зависит, сумеют ли они с рабочим людом найти дорогу к строю производителей, требовательному к каждому из своих членов, но и дающему через профсоюзную спайку возможность каждому рабочему проверять и управлять всей жизнью страны.

Пусть мрачный день 1-ого мая 1928 года будет для нас деловым днем подсчета наших сил и задач.

Из тюрем и ссылки к нам все подымается клич наших связанных товарищей, из которых коммунисты выжимают письма о «выходе из антисоветских партий». Ушедшие на бессрочное заключение напоминают нам, что они еще живы и стойки; их зов говорит, что надежды даже на самую «куцую» амнистию к десятой годовщине не оправдались. Конечно, первым делом является добыть для них ту корку хлеба, которая поможет их исхудалым телам держаться дальше. Жизнь их не только укор для большевистского правительства; они живой пример, который наиболее обманутым пролетариям

Западной Европы и Америки медленно, но верно открывает глаза. Да, большевики не освободили ни одного из наших товарищей; они сняли с особого учета белое офицерство; они выпустили из тюрем растратчиков, валютчиков, и спецов, обрызганных кровью погибших при обвалах и раздавленных вальцами. Но они не смогли помешать тому, что даже глубоко в их тылу вбит клин раскола и одна из причин его, — это дикая расправа, которую они вершат над всяким рабочим с пробуждающимся сознанием. Усилия наших товарищей упорно разглашать этот позор во всех странах имеют известный успех. Вопрос поставлен. Большевистской власти не удастся больше замолчать его; но для этого надо продолжать борьбу. Одна из деятельных форм помощи нашим пленникам — это рвать заговор молчания, который русская агентура в лице заграничных коммунистических партий пытается поддержать на Западе; один из наиболее действенных таранов, стойко громящих большевистские бастилии, держащие в своих стенах революционных борцов пролетариата, стены русских острогов, это анархическая печать, это, в частности, «Дело Труда». Всякий рабочий, который в России, в Европе, в Америке, вносит свою копейку для поддержания его жизни, помогает нам и замурованным борцам.

В этот день Первого мая уместно взглянуть на пройденный путь; уместно и вспомнить, что «Дело Труда» это то ядро, к которому уже тянутся и будут тянуться усилия русских товарищей рабочих в глубоком подполье, подтачивающих основы Государства - Хозяина. Для этой мелкой кропотливой работы нужны, конечно, и прежде всего деньги. Шлите же их, товарищи, которым близка мысль разрушения большевистского гнета во имя освобождения рабочих; пусть те, которых обременила семья, задавила повседневная работа, своими трудовыми грошами приобщатся к усилиям русского анархического подполья.

Но деньги лишь одно из важных условий революционной деятельности анархистов в России. Нам нужна непосредственная живая связь с русским рабочим миром. Пусть с фабрик и шахт, из бараков и казарм товарищи нам пишут, как знают, как умеют, о своей жизни. Большевистская цензура не столь всемогуща, как это кажется с первого взгляда. Как ни густы ее сети, революционная рабочая воля найдет способы их прорвать.

Прежде же всего нам нужны люди, боевые, свежие, крепко связанные с русской действительностью. Пусть еще более усилится связь сплоченного ядра «Дела Труда» с нарастающим движением России. Пусть, напрягая все свои силы, русские товарищи со всех окраин шлют к нам своих гонцов, с помощью которых нам удастся спаять рабочее сопротивление в один крепкий кулак.

Пусть русская молодежь, воспитывающаяся заграницей, порвавшая со своими белыми отцами, выварившаяся в западном фабричном котле, не прозябает в эмигрантском болоте; не мало пользы может она, познавшая на своей шкуре всю ложь «демократии», принести русскому пролетарию, испытавшему со своей стороны всю прелесть интеллигентской диктатуры. У нас будут наши «возвращенцы»; не малодушные, отрекшиеся от своих убеждений ради теплого местечка в коммунистической бюрократии; нет наши «возвращенцы» из бывших солдат экспедиционного корпуса, из случайно заброшенных на чужбину, из молодых, порвавших навсегда со своей эмигрантской родней, пусть едут, выдержанные, поверхностно лойяльные, внутренне четко враждебные диктатуре спецов; к этим русским рабочим за границей наш зов: связывайтесь с «Делом Труда», воспитывайтесь с ним и затем несите его семя туда, где оно может взойти и расцвесть — в пролетариат России.

Пусть настоящее нас гнетет и давит; это только лишний повод присмотреться к нему, лучше использовать его многочисленные возможности, чтобы идти к новым, боевым и радостным Первым Маям.

1-ое Мая — Символ новой эры в жизни и борьбе трудящихся

День первого мая в социалистическом мире принято считать праздником труда. Это неверное определение 1-ое мая настолько всосалось в жизнь трудящихся, что они во многих странах действительно этот день празднуют. А между тем день первого мая для трудящихся далеко не праздничный день. Да, трудящиеся не должны оставаться в этот день у фабричных станков и на поле. В этот день все трудящиеся во всех странах, в каждом селе и городе должны собираться, должны устраивать свои массовые встречи, но не для празднества, понимаемого социалистами государственниками и, в частности, большевиками из них, а для учета своих сил, для определения возможностей к открытому вооруженному выступлению против подлого, рабством прогнившего строя, основанного на насилии и лжи. В этот исторически уже установившийся день всем трудящимся легче собираться и на этих собраниях легче и удобнее всего проявить свою коллективную волю и коллективный разум в области определения прямых своих задач на сегодня и на завтра.

Сорок с лишним лет назад американские труженики города Чикаго и окрестностей собрались первого мая. Они на этих собраниях слушали много речей разных социалистов, но больше всего прислушивались они к анархистам. Более этого, они воодушевлялись идеями анархизма и искренно становились на сторону анархистов. 40 с лишним лет тому назад американски етруженики пытались организованно выразить свой протест против подлого строя власть и капитал имущих. На этом пути американских тружеников анархисты Спис, Парсонс и другие в своих речах формулировали положения этого их протеста. Тогда протест наших братьев — американских тружеников был спровоцирован наемниками буржуазии и закончился уличной бойней безоружных тружеников, арестом и впоследствии казнью анархистов Списа, Парсонса и других.

Труженики Чикаго и окрестностей собирались не для празднества в день 1-го мая. Они собирались для общей работы своим коллективным умом над терзавшими их вопросами их жизни и борьбы.

Д 3587

И по сие время всюду, где труженники освободились или пытаются освободиться от опеки либеральной буржуазии и путающейся с нею социал-демократии (безразлично, меньшевистского или большевистского направления) и относятся к первому мая, как к дню своих непосредственных деловых встречь и прямых забот о своем освобождении, они во всех своих настроениях выражают свою солидарность и уважение к памяти чиакгских мучеников и остро чувствуют, что для них в день 1-го мая нет и не может быть праздника. И это понятно. 1 мая, вопреки утверждения вождей социализма, что он есть праздник труда, не является для сознательных труженников праздником.

1-ое мая — символ новой эры в жизни и борьбе трудящихся, эры, в которой трудящимся с каждым годом предстоят новые, более трудные и решительные битвы с буржуазией за отнятые у них свободу и независимость, за их общественные идеалы.

Н. Махно.

Идеал в революции

(Из незаконченной рукописи 1918 г.)

Мы печатаем нижеследующий отрывок из неоконченной рукописи П. А. Кропоткина в виду его интереса не только для того момента, когда он был написан, но и для понимания революции вообще. Отрывок этот заимствован из сборника **«Памяти Петра Алексеевича Кропоткина»**, изданного в Москве, в 1922 году «Всероссийским Общественным Комитетом по увековечению памяти П. А. Кропоткина».

Редакция «Дела Труда».

**

Во всемрной истори выступает один ярко определенный факт. За последние три столетия, через каждые 130-140 лет, в какой нибудь из европейских стран совершается крупная революция, которая затем на следующие 100 с лишним лет (4 поколения, как говорил итальянский историк Феррари) дает направление прогрессивному равитию мыслей.

Отбрасывая более ранний период и начиная с английской революции 1648 г., мы видим, что Англия вплоть до французской революции дает более передовым странам свой лозунг: полная религиозная свобода, право каждого толковать библию, как он ее понимает, развитие свободных местных городских и земских учреждений — приход, как основная земская единица — и конституционный образ правления. Этими лозунгами вдохновляются на той стороне океана молодые английские поселения Северной Америки, а в Европе философия шотландских философов - энциклопедистов, а затем и целая страна — Франция.

В 1789 году начинается во Франции ее большая революция, и она не только принимает лозунги, выставленные Англией, но и со свойственной французскому уму логикой, т. е. последовательностью и систематичностью, она старается провести в жизнь «Права Человека», т .е. политическое равенство всех перед законом, уничтожение всех безусловно пережитков феодального и крепостного права, представительный образ правления при всеобщем избирательном праве и, наконец, автономию сельских и городских общин. Эту автономию Франции впрочем не удается провести в жизнь, т. к. ей с первых же годов революции приходится вступить в отчаянную борьбу на жизнь и смерть со всеми королями Европы, и, таким образом, перейти на время от демократической республики к империи; точно также ей приходится выдержать такую жестокую борьбу с католическим духовенством, которое поднимает, при содействии Австрии, германских государств и Англии, целые громадные области против республики и против проводимой ею в жизнь философской религии, в которой высоко-нравственное начало равенства, братства и любви к родине выводилось из созерцания природы и человеческого разума.

Для поверхностного наблюдателя французская революция, где наполеоновская империя скоро заменила республиканский режим, доказала только безполезность революции; на деле же весь 19-тый век был осуществлением в Европе начал, провозглашенных французской революцией: равенство всех граждан перед законом, уничтожение пережитков феодального строя и повсеместного введения представительного правления. Эти лозунги французские санкюлоты, а впоследствии даже Наполеон разносили на своем трехцветном знамени, уничтожая крепостное право в Италии, Испании, германских княжествах и в Австрии, введя под именем наполеоного кодекса свод законов, выработанный конвентом и уничтоживший сословные привиллегии, и кладя конец кострам инквизиции в католических странах.

К несчастью эта волна докатилась до России только тогда, когда во Франции царил уже император, а республиканская армия уже обратилась в сброд самых разноплеменных полчищ.

И вот теперь мировая история возложила на Россию тяжелую задачу выполнить новую революцию, распространяя далее на восток те же «Права Человека», и прибавляя к ним наследие 19-го века — разрешение социального вопроса, как для крестьянских масс,.так и для непомерно разросшегося городского населения и его естественного последствия — пролетариата. Подобно тому, как Франции в своей революции пришлось пойти гораздо дальше Англии и ребром поставить уничтожение земельного феодализма — оно и было совершено во Франции, тогда как в Англии он продолжает существовать и до сих пор, точно также России предстоит провести в жизнь среди своего разноплеменного населения не только утверждение «Прав Человека» и уничтожение земельного феодализма, но еще и разрешение экономичких вопросов, поставленных перед человечеством в 19-том веке. Задача громадная, вероятно даже непосильная для русского народа, если он в ней не будет поддержан народами Запада, уже совершившими свои две революции, т. е. Англии и Франции, но совершенно неизбежная при современных условиях экономической жизни.

Задача, стоящая перед Россией еще больше осложняется тем, что нам приходится совершать нашу революцию во время жестокой войны, в которую нам приходится воевать не с ничтожными армиями разрозненных немецких княжеств, как это

приходилось Франции, а с громадными силами двух империй, обладающих в сложности населением в 120 с лишним миллионов людей, обладающих высоко развитой промышленностью и воспитанных за последние 30 лет для завоеваний и распространения на восток.

Но есть еще одна сторона, ставящая Россию в гораздо худшее положение, чем была Англия и Франция во время своих революций — и тут требуется от безусловно лучших людей в России самое упорное напряжение сил, чтобы противодействовать разлагающему влиянию этого фактора, которого не знали ни Англия, ни Франция..

Обе эти революции, ставя себе определенные экономические цели, вместе с тем были одушевлены высоким нравственным идеалом.

Английская революция была в значительной степени революцией народной совести. Являясь протестом против разложения католического духовенства, она выставляла строго нравственные идеалы — пуританство. Ея вражда направлялась столько же против разврата двора и высших классов, сколько и против их политического преобладания; ее воодушевлял нравственный идеал столько же, сколько идеал политического и экономического равенства.

Точно также и Французская Революция ставила себе целью не только уничтожение политических и экономических классовых привиллегий, но и проведение в жизнь идеала человеческой взаимности.

Философия XVIII века была проникнута идеалом человеческой взаимности. Хотя она и выставляла принцип эгоизма, но она понимала эгоизм, как сознание разумной солидарности всех членов общества. И если среди более зажиточных классов проповедь эгоизма Гольбаха в его ограниченном смысле, имела успех, то среди рабочих масс любимым философом был Руссо, с его проповедью гуманизма и солидарности, высоконравственного общественного образования. В том же духе шла в то время проповедь франк-масонства, к которому принадлежали все сколько нибудь видные деятели революции и которое дало революции ея лозунг: Свобода, Равенство и Братство.

К сожалению, несмотря на удивительные подвиги самопожертвования, проявленные русскими революционерами в ее подготовительный период, несмотря на высокий общественный идеал, воодушевлявший их, мы видим что теперь берет верх учение, постепенно просачивавшееся в нашу жизнь за последние десятилетия — учение об экономическом материализме. Причем, это учение понимается не в том смысле, в каком понимали его бланкистские организации Франции, когда они назывались коммунистами-материалистами, понимая под этим коммунизм не монашеских общин и парагвайских иезуитов с их колониями рабов, а коммунизм de facto, на деле, дающий всем не только материальное благосостояние, но и нравственную независимость. В учении экономического материализма, шедшем из Германии, это понимание материализма утратилось.

Смысл, который оно приобретало в учениях последователей Фурье, осмеивался как утопическое учение и, вместо него, брало верх понимание социальной революции, как разнузданность единичных вожделений в смысле каких-нибудь штирнерианцев или ницшеанских сверх-человеков низшего сорта. В этом отсутствии высоко вдохновляющего идеала в русской революции лежит все различие между нею и ея предшественницами. Остается одно — жить надеждой, что такой характер революция приняла только под тлетворным влиянием последних годов самодержавной вакханалии и что здравый смысл русского народа возьмет верх и избавится от этой язвы, которая грозит обезсилить русскую революцию и сделать ее бесплодной.

П. А. Кропоткин.

Старое и новое в анархизме

Ответ т-щу Малатесте.

Сначала в женевском анархическом органе «Le Reveil», затем отдельной брошюрой на французском языке появилась статья т-ща Э. Малатеста — «Анархизм и организация», — подвергающая критике Организационную Платформу, изданную Группой Русских Анархистов Заграницей и содержащийся в ней организационный план. По русски эта статья напечатана в аргентинском «Голосе Труда» от 1-го апреля с. г.

Следует заметить, что статья эта вызвала у нас недоумение и сожаление. Мы ожидали и далее ожидаем, что выдвинутая нами идея анархической организованности встретит упорное сопротивление многочисленного хаотического элемента в анархизме. Идея эта накладывает прежде всего огромную ответственность на каждого анархиста, находящегося в рядах движения. Она каждого **обязывает** к долгу, к постоянству. Между тем любимый принцип, на котором воспиталось большинство анархистов, выражался в словах «Что хочу, то и ворочу». Воспитанные на этом принципе анархисты этого рода естественно резкой враждой встречают идею анархической организованности и анархической коллективной ответственности.

Тов. Малатеста чужд этого принципа. Но именно потому его статья вызывает у нас недоумение и сожаление. Недоумение потому, что т. Малатеста — ветеран международного анархизма — не уловил духа Платформы, ее актуального, жизненного характера, вытекающего из требований нашей революционной эпохи. Сожаление потому, что т. Малатеста, в угоду мертвящей догмы культа личности, встал (будем надеяться, временно) поперек дела, являющегося необходимым этапом дальнейшего роста и развития анархического движения.

В самом начале своей статьи Малатеста высказывает согласие с рядом положений Платформы или подкрепляет эти положения своими мыслями. Он согласен с тем, что «анархисты не имели и не имеют достаточного влияния на события социально - политического характера» благодаря «отсутствию серьезной и действенной организации».

« Я считаю — пишет далее Малатеста — дело организации анархистов важным и неотложным в целях влияния на массовые движения по пути к лучшему будущему и полному освобождению».

«Анархисты должны признать всю пользу и важность син-

Что же такое оппозиция?

Глава из готовящейся к печати книги:

«БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА В СВЕТЕ АНАРХИЗМА»

(Десять лет советской власти)

Хаотическая жизнь большевизма, полная грозных антагонизмов, не могла не породить и в среде твердокаменной партии протестующих элементов.

Драма оппозиции сыграна сейчас как будто до конца.

Что же такое оппозиция?

Конечно , она не измена мировому пролетариату в большевистском понятии этого слова, — конечно, не нытье интеллигентов, не вопль отчаявшихся, не заговор дураков.

Быть может, все эти элементы и входят в некоторых дозах в сложный композитум, именуемый оппозицией, но существо и смысл ее не в этом. — «Троцкизм» не первая и не последняя форма оппозиции. Отвлекаясь от суб'ективных характеристик, мы должны признать, что оппозиция есть законченное детище антагонистических условий развития советского хозяйства.

Партия могла быть единой, железной, твердокаменной, пока вынашивала свои решения в мансардах эмиграции. Став вершителем судеб народа — огромного, пестрого, с интересами противоречивыми и нередко враждебными, партия неизбежно отразила и в своей среде противоречия и враждебные точки зрения, убеждения, теории, философию развития. В антагонизмах города и деревни, рабочего и мужика, индустриализации и политики низких цен, товарного голода и низких цен на плеб и проч., и проч. — идеология «большинства» и идеология «оппозиции» находят достаточное и исчерпывающее об'яснение. И, конечно, правоверным марксистам, следовало бы менее всего забывать формулу марксизма — бытие определяет формы сознания — по случаю рождения оппозиции. Оппозиция не может быть — она должна быть.

И оппозиция права, напомнивши большинству слова Ленина — «Машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так ,как воображает тот, кто у руля той машины сидит».

Нельзя же в самом деле и самому от'явленному централизатору и декретоману забыть все о среде, в которой надо жить и действовать. Словом, пестрая, упрямая российская действительность умеет воздействовать и на твердокаменных большевиков и отсюда создаются разные уклоны — и успевшие себя выговорить до конца и пока еще молчащие, выжидающие нужной исторической минуты. Таким образом, поскольку троцкизм был продиктован жизнью, — он — принципиален, опирается на основания не худшие, чем у других, имеет корни, выражает по своему противоречия, складывающиеся на путях советской экономики.

Если обратиться к персональным характеристикам оппозиции, приходится признать — безпринципность ее вождей велика, но она ничуть не больбе безпринципности ее противников. И для этой безпринципности, характеризующей вообще все уклоны большевистской мысли и практики, есть некоторые об'ективные основания. Оба течения одинаково проходили единственную, незаменимую школу наглядного революционно - оппортунистического обучения у Ленина. В этой школе —

дикального движения. Они должны содействовать его развитию и сделать его одним из рычагов своей деятельности, стремясь привести синдикализм, совместно с другими силами прогресса, к социальной революции... Пагубной иллюзией, однако, было бы думать, — как многие это делают, — что рабочее движение может привести само по себе, в силу самой своей природы, к такой революции. Несомненно, что во всех движениях, основанных на материальных, сегодняшних интересах (а на других основаниях нельзя создать широкого рабочего движения), необходим элемент брожения, нужен толчек, нужно согласованное действие идейных людей, которые борятся и жертвуют собой во имя осуществления идеала».

«Отсюда — настоятельная необходимость чисто анархических организаций, которые боролись бы внутри синдикатов, как и вне их, за полное осуществление анархизма и старались бы обезвредить всякий зародыш разложения и реакции».

Высказанные выше т. Малатестой положения верны. Они легли в Платформу в качестве принципиальных положений. Можно было бы ожидать, что и ряд других положений т. Малатеста разберет, поймет и согласится с ними, ибо все положения Платформы находятся в строгой логической и идейной связи между собой. Однако, в дальнейшем Малатеста высказывает резко несогласие с Платформой. Он задает вопрос, смоежт ли проектируемый Платформой Анархический Союз выполнить задачу анархического воспитания масс? — и отвечает — нет. Причина этому — властнический характер Союза, который, будто бы, развивает мысль подчинения руководителям и вождям.

Какие же основания имеются у т. Малатесты для столь серьезного обвинения?

Главным поводом для такого обвинения он считает идею коллективной ответветственности, выдвигаемую Платформой. Малатеста не может допустить мысли, чтобы весь анархический Союз был ответственен за каждого своего члена, и обратно, — чтобы каждый член Союза был ответственен за политическую линию всего Союза. Т. е, Малатеста не согласен как раз с тем организационным принципом, который, по нашему мнению является самым насущным для дальнейшего развития организованного анархического движения.

Анархическое движение нигде еще до сего времени не имело стадии массового движения, как движения организованного. Причина этому отнюдь не в об'ективных условиях, не в том, например, что широкая рабочая масса не понимает анархизма или не интересуется им. Масса и понимает анархизм и интересуется им, особенно в моменты революционных движений. Причина слабости и неустойчивости анархического движения коренится, главным образом, в самих анархистах. Они ни разу еще не пытались вести организованно проповедь своих идей

диалектика маневрированием и лавированием была доведена до виртуозности. Никто еще в мире политиканства и оппортунизма — не исключая Наполеона Малого, Гамбетты, Тьера — не владел искусством диалектики с такой развязностью, с какой владеют им мастера от большевизма.

Следовательно, и здесь в этом важном мастерстве владения диалектикой, из логического средства давно обратившейся в орудие управления, — обе стороны по меньшей мере стоят одна другой.

Надо признать, что все же оппозиция — более даровита, заряжена, остроумна, более революционна, наконец.

По крайней мере, в ней нет той хлестаковщины, дешевки, той грубой неряшливой стряпни, которой щеголяет сталинская группа перед своей невзыскательной аудиторией. Но аппетит у оппозиции большой. Даже в тоге мученика оппозиция мечтает о лакомом куске, который у нее отняли. Вот причина, почему пролетариат, наблюдая обе шарлатанствующие группы, даже если учесть некоторое воздержание страха ради иудейского, обнаруживает относительное спокойствие насчет участи распинающейся и распинаемой оппозиции. На другой день после очередной склоки Бухарина или Молотова, какой-нибудь Кзыл-Ордынский актив аккуратно выносит благонамеренную резолюцию о «безшабашных выступлениях троцкизма».

Каково отношение наше, анархистов, к оппозиции? Конечно она неприемлема для нас уже постольку, поскольку неприемлем для нас всякий централистический государственнический политиканствующий, чиновный социализм, деспотически подменяющий волю масс своей волей, эксплоатирующий и обманывающий массы. В критике оппозиции — чрезвычайно много верного. В ее полемических трудах — много метких и блестящих характеристик. Мы согласны с оппозицией, что «группа Сталина ведет партию вслепую», что группа Сталина «скрывает правду», «затыкает рот тем, кто требует правды и раскрывает ее, что «Ленина искажает, исправляет, раз'ясняет применительно потребностям покрыть каждую свою очередную ошибку», что путь Сталина есть «не пролетарский путь», а более курс на капитализм в рассрочку», что вся сталинская линия состоит из коротких зигзагов влево и глубоких вправо».

Мы согласны с оппозицией, что «теория Молотова насчет того, что нельзя будто бы требовать приближения рабочих к государству и государства к рабочим, так как наше государство уже само по себе рабочее — представляет наиболее злокачественную форму бюрократизма, заранее освещающую все бюрократические извращения». Мы согласны с оппозицией, что в партии «ленинский призыв» давно сменился «сталинским отсевом», что все в ней захлестнули волны «карьеризма, бюрократизма, неравенства и даже антисемитизма». Мы согласны с оппозицией, что в комсомоле уже давно «всякая критическая мысль заглушается и преследуется», что для руководства комсомольской организацией требуется «прежде всего послушание и готовность травить оппозицию». Мы согласны с оппозицией, что политика центра есть «типичная политика иллюзий, самоутешения и самообмана». Мы, наконец, согласны с оппозицией, что вся внешняя политика ЦК партии — есть нагромождение грубых теоретических и практических ошибок, обусловленных плохой осведомленностью, самонадеянностью, оппортунизмом. Мы согласны, таким образом, с оппозицией во многом и еще в гораздо большем, чем здесь сказано. Никто не откажет оппозиции, что она больно и искусно бичует зажиревшее большинство.

И вот пришла Каносса оппозиции, враг наступил коленом на грудь и при всем отвращении к победителю, ничуть не жаль повергнутой оппозиции.

в массах, не пытались организованно осуществлять свою практическую деятельность.

Как это ни покажется странным т-щу Малатесте, мы смело утверждаем, что работа даже наиболее передовых деятелей анархизма, в том числе и самого т. Малатесты — носила (по необходимости) индивидуалистический характер. Правда, в этой дятельности было много высокой личной ответственности, все же она была не организационной, а скорее индивидуальной. В прежние годы, когда наше движение только что зарождалось в местном и международном размере, иначе и быть не могло: необходимо было закладывать первые кирпичи массового анархического движения; необходимо было отдельным носителям анархической идеи выступить хотя бы индивидуальными силами с призывом к массам встать на анархический путь борьбы. Эти работники анархизма выполнили свою миссию: они привлекли к анархической идеологии кадры рабочих. Однако, это только пол дела, а не все дело. В момент, когда анархизм стал распространяться среди трудящихся, когда рабочая масса начала выделять из себя не одиночек, а многочисленный анархический элемент,—в этот момент не возможно было ограничиться проповедью и практической деятельностью отдельных анархистов или хотя бы даже отдельных анархических групп. Продолжать эту разрозненную индивидуальную деятельность, значит топтаться на одном месте. А жизнь этого не любит и не терпит. Необходимо делать второй шаг и идти в ногу с жизнью, иначе мы непоправимо отстанем от нее. Всеобщий упадок анархического движения тем и об'ясняется, что мы застряли на первом шаге и не сделали во время второго шага.

Второй шаг заключался и заключается в том, чтобы выделенные рабочей массой анархические элементы собрать в один активный, дееспособный коллектив и **силою этого коллектива** повести организованную борьбу в массах, в целях осуществления анархических идей.

Перед анархистами всех стран вопрос поставлен так: может ли наше движение обходиться прежними формами организации, — местными группами, не имеющими между собой общей организационной связи и действующими каждая по своей идеологии и по своей тактике? Или же наше движение должно прибегнуть к новым формам организации, которые помогут ему (движению) распространиться и укрепиться в широких массах труда?

Практический опыт последних двадцати лет, особенно опыт двух русских революций — революции 1905 г. и революции 1917-19 г. г. — лучше всяких «теоретических выкладок» подсказывает нам решение этого вопроса. В русской революции масса была анархистична и тем не менее анархизм, как организованное движение, понес там полное поражение. При-

Во первых —«tu l'as voulu, Georges Dandin» (ты этого хотел, Жорж Данден).

Разве — Троцкие, Зиновьевы, Каменевы и все остальные, находясь у власти, не вели той же деспотической и развращающей политики, против которой только что метали громы. Разве на совести теперешней оппозиции менее крупных и мелких грехов, чем те, которые она еще недавно коллекционировала с таким злорадством? Разве — если бы силой исторического сюрприза — троцкисты изгнали сталинцев из твердынь Кремля и стали у кормила правления — не началась бы старая потеха? Не остались бы в советской практике — фаворитизм, лакейство, волокита, цензура, тюрьма и расстрелы? Все осталось бы по старому, и каждый это понимает.

Да, наконец, не осуществляет ли сейчас до гениальности диалектическое большинство пункт за пунктом нелегальные прокламации оппозиции? Троцкизм даже и не грезил о такой ссоре с «мужичьем», какую затеяли сталинские молодцы. Он — робкий — лепетал о принудительном займе, сталинцы прошли по деревне мамонтовским рейдом, забирая все, что годилось для питания городских канцелярий и активного баланса СССР.

А семичасовой рабочий день — разве не есть самый ловкий фокус, при помощи которого сталинцы выбили из рук оппозиции одно из самых сильных средств их нападения?

Ответить на ядовитые указания противника, подтверждаемые тысячами даже оффициально засвидетельствованных фактов — «пресечь в корне всякие поползновения к удлинению рабочего дня», под коим разумелся восьмичасовой-семичасовой, значило ошеломить противника одновременно — своим бесстыдством, но и своей... революционностью. Ни для кого не тайна, что вихрь рационализации, носящийся сейчас по русской земле, есть самый беспардонный, самый циничный курс на выжимание пота у рабочего человека. Еще в 26 году голодные клиенты Биржи труда под руководством анархистов, требовали сокращения рабочего дня в целях снижения безработицы. Расправа с несвоевременными рационализаторами была коротка. Ныне большевистский Хлестаков вещает миру о великих достижениях пролетарской диктатуры.

Итак, если физически в СССР и правит большинство, идеологически у кормила правления стоит оппозиция. И каким бы лицом к нам не вертелся большевизм, он всегда нам отвратителен...

Но есть у оппозиции еще одно и главное ее свойство. И это свойство, быть может, наиболее отталкивающее. Оно в том, что оппозиция есть или стремится быть чистым последовательным якобинизмом, т. е. наиболее фанатичной, безумной формой политиканства строящей себя и свои акты — на догме демагогии, терроре.

Якобинизм скрывает лицо маской. Он страшен отрывом от человека и жизни. Он населяет мир призраками, ставит для людей костры ради мечты безумца.

Мы присутствовали при финале братоубийственной борьбы. Под хохот разжиревшего хамского Демьяна, под улюлюканье и зубоскальство большевистской клики, которые выдавались за возмущенное чувство пролетариата, якобинцы сошли с исторической арены.

История почти не знает чистых комедий. Ее ирония глубока, ее и комические постановки фатально венчаются зловещим, трагическим концом — безумие истории требует жертв.

Товарищи большевики, становитесь в очередь.

чина этому та, что на протяжении всей революции анархисты не могли выставить своей социальной и политической программы, а обычно подходили к массам с раздробленной и противоречивой проповедью. Постоянной организации у нас не было. Движение наше представлялось случайными организациями, возникавшими то там, то сям, которые сами твердо не знали, чего они хотят, которые обычно через короткие промежутки времени исчезали, не оставив после себя никакого следа. Надо быть безнадежно наивным или тупым, чтобы думать, что масса пойдет за такими «организациями» в социальной борьбе и социалистическом строительстве. Для нас нет никакого сомнения в том, что если в ряде европейских стран вспыхнет революция, то анархисты понесут в ней точно такое же поражение, какое понесли русские анархисты, ибо анархисты европейских стран идейно и организационно распылены не менее, а скорее более русских анархистов 1917-1918 г. г.

Настоящая эпоха, когда на арене социальной борьбы выступают миллионные массы, требует от анархистов прямых точных ответов на ряд вопросов социальной борьбы и социалистического строительства, а также обще анархической ответственности за эти ответы и вообще за анархическую проповедь и анархические лозунги. Без подобной ответственности анархисты (как и кто-либо другой) не вправе подходить к массам со своей проповедью, ибо борящаяся трудовая масса, в борьбе несущая неисчислимые жертвы — жертвы своего настоящего и своего будущего — не есть игрушка и об'ект, к которому можно подходить со случайным мнением случайных людей.

Однако, до тех пор, пока мы не будем иметь организации общеанархического значения, — мы не будем также иметь ни общих ответов по вопросам соц. революции, ни общей ответственности за эти жертвы. И, таким образом, мы по прежнему будем оторваны от масс и от великих процессов соц. революции и соц. строительства.

В начале своей статьи т. Малатеста как бы приветствует идею создания широкой анархической организации, включающей в себя ряд местных организаций, но категорическим отрицанием коллективной (организационной) ответственности он делает невозможным осуществление такой организации.

Ведь широкая общеанархическая организация возможна при наличии общей теоретической и организационной платформы, на которой многочисленные работники анархизма сходятся, которую они **признают** и которая **поэтому** является **обязательной** для всех, принявших ее. Кто не сочтет для себя обязательной всю платформу в целом, тот сам не войдет в общий союз. Пожелает войти в общий союз тот, кто сочтет платформу или программу союза не только приемлемой для себя, но и обязательными все ее положения с того момента, когда он стал членом союза. Таким образом, общая анархическая

Женский труд в России

Русская революция, стремясь къ социальному освобождению труда и к укреплению его самодовлеющего значения в новом общественном укладе, тем самым стремилась также освободить и уравнить труд женский. Замечательно, что этот вопрос, как сам собой разумеющийся, в те годы не дискутировался в России; разрешение его было явно связано с общим ходом борьбы. Положительный исход последней вел к разрешению и женского вопроса.

Женский вопрос, поставленный во всей его широте, обнимает политическое, экономическое и бытовое раскрепощение трудовой женщины.

Уже февральская революция внесла большую лепту в дело освобождения женщины; последняя была совершенно уравнена в политических правах первыми же манифестами Временного Правительства. В дальнейшем этот процесс юридического уравнения находит свое укрепление в по-революционном гражданском кодексе, изданном в 1922 году, по которому женщина совершенно уравнивается с мужчиной в семейном праве.

Эти два крупных правовых завоевания, приобретенных естественно, в общем ходе революции, особенно показательны, ибо за них долго и пока тщетно борется нереволюционным парламентским путем западно - европейская женщина, значительно раньше русской приобщенная к культурной и политической жизни.

Что эти завоевания ценны, — это бесспорно. Но как они влияют на экономическую и социальную жизнь русской работницы и насколько последняя в действительности может пользоваться завоеванными политическими правами?

На последний вопрос ответить легко; здесь общерусский парадокс остается в силе: юридически и формально рабочий правит страной, **фактически** он оттерт на последний план правящей партийной игосударственной бюрократией и можно смело сказать утерял свои последния политическия позиции. Это равно относится и к рабочему мужчине и к работнице женщине.

А об экономическом и социальном благополучии русской работницы ясно говорит следующая тарифная сетка, опубликованная в недавно вышедшей в Париже на французском языке книге «Рабочие печатнаго дела», изданной французским Комитетом Пропаганды (стр. 54):

Наборщик	40,54 (в моск, условн. рубл).
Наборщица	32,52
Накладчик	31,54
Накладчица	26,17
Фальцовщик	27,56
Фальцовщица	26,17

Оказывается, после социальной революции только всего и есть результата, что снижение на несколько процентов крупной до-революционной разницы в зарплате мужчины и женщины. И это не в одном печатном деле. Спрашивается, что это, разве еще одна «необходимая» жертва на алтарь строющегося социализма?!

Нет, нам думается, что это нечто другое и серьезно грозящее и этому общепролетарскому завоеванию — уравнению женщины в производстве.

Так, в «Труде» от 6-го марта 1928 года мы читаем: «За

организация является об'единением анархистов единомышленников, каждый из которых проводит идеологическую, политическую и тактическую линию союза. Он не может проводить иной линии, потому что всякая иная линия противоречит его идеологическим и практическим принципам, которые, в то же время, являются и принципами общего союза.

Следовательно, практическая деятельность члена Союза естественно находится в полном согласии с деятельностью всего союза и обратно, — деятельность всего союза не может противоречить совести и деятельности какого-либо его члена, поскольку он принял основную программу союза. Это и называется принципом коллективной ответственности.

Весь Союз в целом несет на себе ответственность за политическую деятельность любого члена, зная, что всякий его член может вести политическую и революционную работу лишь в духе политической линии Союза. Точно также, всякий член Союза несет полную ответственность за деятельность всего Союза, так как эта деятельность Союза не может быть чем-то неизвестным для его членов; она является осуществлением той идеологической и политической работы, которая намечалась сознанием всех его членов.

Таким образом, организационная ответственность и дисциплина вовсе не означают властничества, как ошибочно утверждает т. Малатеста: они выражают собою серьезное (ответственное) отношение к делу и самоограничение во имя общей цели революции и анархизма.

Само собой разумеется, что призывая анархистов организоваться на почве определенной программы, мы тем самым не отымаем права у анархистов других течений организоваться по своему. Мы уверены, однако, что как только анархисты создадут организацию обще анархического значения, сейчас же обнаружится пустота и некчемность так называемых «свободных» организаций, где каждый исповедует свою идеологию и осуществляет свою собственную тактику.

В практике русского анархизма имелся опыт создания организации общепартийного смысла. Это анархическая Конфедерация на Украине «Набат», существовавшая с 1918 г. по 1920 г. и привлекшая к себе своим общепартийным характером симпатии анархической среды и широких рабочих масс. Вот как один из основателей и постоянных работников этой Конфедерации определяет ее: ... «В организационном отношении Набат был партией, построенной на принципе федералистического централизма, с единой федеративно связанной организационной сетью; его организации, взаимно ответственные и хорошо дисциплинированные считали для себя обязательными и проводили в жизнь постановления общих с'ездов, принятые хотя бы и большинством его... То, на чем мы сошлись, на чем мы, как на основе для совместной работы остановились, это было едино и обязательно для всех членов Конфдеерации.

последнее время на предприятиях нашего края обозначилась достаточно ясная тенденция вытеснения женщин с производства. На 1-ое октября 1925 года среди работающих в предприятиях и учреждениях женщины составляли 19,2 %, на 1-ое октября 1926 года — 20,1 %, а на 1-ое октября 1927 года снова 19,2 %».

«Нам известно, например, не мало случаев, когда среди принятых на работу в предприятия (завод «Красный Аксай» в Ростове) нескольких десятков и больше рабочих не было ни одной работницы; известно, как это «мотивируют» некоторые наши хозяйственники: женский труд невыгоден, женщина больше болеет и рожает, чем работает».

В том же номере «Труда» мы находим сведения о росте безработицы среди женщин: «В то время, когда среди мужчин безработица выросла с 1925 - 26 г на 40 %, в 1926 - 27 на 80 %, безработица среди женщин выросла в 1926 году на 49 % и в 1927 г. на 101 %».

Чем об'яснить это последнеее явление? Вернее всего об'яснение в следующем: хозяйственно «интересно» иметь женщину работницу только в низко оплачиваемых отраслях, ибо женщина болеет чаще мужчины. Там, где ее зарплату нельзя довести до крайнего минимума, ее сокращают под всякими благовидными и неблаговидными предлогами. Так, «Труд» недавно опубликовал сведения о работнице, которую сократили с фабрики, после того как она попросила повысить ее квалификацию.

Нередко женщин заставляют работать по 10 - 12 и больше часов, не платя им даже специальных тарифов за сверхурочные часы. В «Труде» от 13-го июля 1927 г. находим: На Чистенских торфоразработках (Московского района) работницы работают 14-16 часов в день, не получая специального тарифа за сверхурочные. На торфоразработках в Космонине (Костромск. губ.) работницы работают 10 часов в день («Труд» 4-го июня 1927 года).

Но вот дальше. В «Труде» от 3-го апреля 1928 года мы находим отчет о докладе директора Государственного Института Охраны Труда проф. Каплуна на тему: «Допускать ли женщин к ночному труду». Приводим выводы Каплуна (Цит. из «Труда»):

«Сопоставляя все приведенные материалы, докладчик приходит к выводу о **полной допустимости женского ночного труда** (за исключением беременных и кормящих). Нужно принять во внимание, что отказ в приеме женщин на ночные смены повлечет за собою перевод многих работниц на более тяжелую дневную работу и многих обречет на долгую безработицу, которая в конечном счете отразится на здоровье их тяжелее, чем ночная работа».

Оказывается, по Каплуну, женщина легче переносит ночной труд, чем мужчина. Следовало бы большевикам спешно разослать это новое научное «открытие» по всем рабочим организациям мира, пусть прекратят ведущуюся борьбу против ночного труда женщин в капиталистических странах. То, что посовестились «открыть» буржуазные ученые, открыли ученые «пролетарские».

В чем тут подоплека? Все становится ясно, однако, когда вспоминаешь, что октябрьский подарок русским рабочим, 7-мичасовой рабочий день, вошел в силу на многих текстильных фабриках московского района, где работают, главным образом, женщины. Так как 7-мичасовой рабочий день применяется при тройной смене, то одна смена непременно должна работать ночью; вот на подмогу и явилась первая в мире, со-

---

Настолько обязательно, что секретариат имел право в отношении любой организации, которая серьезно расходилась с общей линией движения, в промежутках между с'ездами принять ряд мер, как снятие с себя и всего движения ответственности за действия данной организации до следующего очередного с'езда Конфедерации, где этот вопрос мог быть окончательно решен». — («Дело Труда» № 32).

Лишь при признании принципа коллективной отвественности и вытекающего из него коллективного метода действий, возможна широкая анархическая организация, способная осуществлять последовательную, свободную от грубых противоречий революционно - политическую деятельность в массах. Отымите у такой организации принцип коллективной ответственности и она немедленно потеряет сознание идеологического и организационного единства и превратится в собрание индивидов и мелких групп, каждая из которых будет проводить свою идеологическую и тактическую линию и вносит хаос и неразбериху в сознание широких масс труда.

Отвери'ая анархическую организацию, построенную на коллективной ответственности и коллективном методе действий, т. Малатеста отстаивает прежнюю групповую форму организации.

— «В анархической организации, — говорит он, — каждый член может исповедывать все мнения и употреблять любую тактику, лишь бы они не противоречили принятым принципам и не вредили деятельности других. Во всех случаях подобная организация будет существовать до тех пор, покуда интересы об'единения будут сильнее интересов раз'единения, — в противном случае организация распускается и уступает место другим группировкам, более сплоченным». —

По горькому опыту мы знаем, в какое безвыходное почти положение попало анархическое движение разных стран, благодаря именно такой смешанной форме и смешанному составу организации. Оно бесконечно распылилось, потеряло основную направляющую линию своей практической борьбы и попало в трясину, из которой можно выбраться лишь путем чрезвычайных коллективных усилий.

Принцип ответственности в движении т. Малатеста понимает в смысле внутреннего сознания, в смысле нравственной ответственности лиц и групп. Поэтому-то анархическим конгрессам и их решениям он отводит роль каких то дружеских собеседований с платоническими пожеланиями.

Это традиционное представление о роли анархических конгрессов не выдерживает ни малейшей житейской критики. Какая цена конгрессу, который высказывает лишь «мнения», но не берет на себя обязанности проводить их в жизнь? Никакой. Можно лишь порадоваться тому, что, например, французские анархисты решительно отбросили это фальшивое пред-

стряпанная в «первом пролетарском государстве» теория о безвредности ночного труда женщин.

Посмотрим дальше, какая помощь оказывается работнице в деле воспитания детей, что является одним из существеннейших условий применения женского труда вообще. В «Труде» от 20-го октября 1927 года находим следующие сведения о количестве яслей: оказывается, что 1927 году только для 16 % всех детей текстильщиц соответствующего возраста имелись места в яслях. А как поступают с остальными детьми? Недавно приводились в советской прессе сведения о ленинградских работницах, которые забирают детей с собой на фабрику и в корзинах их держат возле машин все время работы.

Насколько небрежно относятся к работнице-женщине, насколько не считаются даже с ее природным чувством стыдливости, указывает следующий не единичный пример. На торфоразработках в Космолине (Костромск. губ.) работниц в амбулатории осматривают в одной комнате и одновременно с мужчинами. («Труд» 4 июня 1927 г.). А на фабрике Моссукно № 10 в Ивантееве устроили общую спальню на 200 рабочих и работниц, холостых и семейных, даже уборная и умывальная общие. («Труд»).

Положение работницы настолько стало напоминать до-революционное, что начали часто появляться рабочие корреспонденции, гласящие о том, что мастера по-старому норовят использовать работницу, как женщину, под угрозой понижения квалификации или увольнения с работы. Насколько этот вопрос животрепещущ в современной России, видно из того, что о нем заговорил даже «Крокодил», на страницах которого всегда можно найти настоящую злобу дня. Так в № 14 за апрель 1928 г. «Крокодила» мы находим заметку под названием «Райское житье»:

«Рай, оказывается, братцы, на земле существует. В Астраханской губернии функционирует он, на Мумринском промысле № 10. Сами мы там не бывали и райского блаженства не вкусили, так как таковое предоставляется там лицам женского пола. Ключи от рая хранятся у комзава Сигалова. Сам рай помещается у него на квартире. Каждая работница промысла, достойная, по мнению комзава, райского блаженства, Сигалов говорит: **Нынче же ты должна быть со мной в раю. Вот тебе ключи от рая. Приходи ко мне, а то уволю. И идут работницы в Сигаловский рай».**

О семейном быте русской работницы можно судить по количеству выпиваемой ежегодно в России водки. По оффициальнным данным русские трудящиеся выпивают на миллиард ежегодно, миллиард, который отрывается от домашнего быта трудовой семьи и сверх того повергает женщину в пьяный омут, делает привычными побои и грубость. Битье женщин практикуется у громадного числа рабочих, писал недавно «Труд»; а коллективные изнасилования, по грубости и жестокости не находящие себе примеров, откуда это все? К месту ли при этом кричать о культурной революции, когда нужно прежде всего прекратить строить финансы на водочном бюджете, а затем уже говорить о культуре и новом быте.

Мы видим, как туго стягивается петля на шее русской работницы. Большевистская статистика нам не скажет, какой процент работниц, отчаявшись под влиянием грошевых заработков или изнурительной безработицы и грубых нравов, пойдет по пути проституции. Большевистским заправилам и беды мало. Они ведь имеют и против этого верное средство — сгоняют их в Соловки и другие лагеря, а там предоста-

---

ставление о роли анархических конгрессов и встали на путь обязательности решений конгрессов.

В широком движении нравственная ответственность без ответственности организационной теряет свою ценность. Ибо всякий член анархического коллектива может выразить свою нравственную ответственность только в форме ответственности перед коллективом, т. е. в форме организационной ответственности.

Вопрос большинства и меньшинства. Мы думаем, что споры по этому вопросу излишни. В практике анархического движения вопрос этот давно решен. Всегда и везде практические вопросы у нас решаются большинством голосов. И это вполне понятно: иного способа решения вопросов в организациях деловых нет.

Однако, вопрос организационных решений по большинству голосов не имеет ничего общего с идеей демократии, как представительного правления современного общества. Анархисты критиковали и критикуют демократию, не как правление большинства, а как правление **имущих классов.** Демократия — это лицемерное сотрудничество классов, под прикрытием которого буржуазия прячет свое насилие над трудящимися. Анархисты отрицают формальную демократию потому, что признав ее, они признали бы власть буржуазии над пролетариатом. Лишь тогда, когда соц. революция уничтожит все привиллегии буржуазии и сведет ее на роль производящего класса, можно будет говорить о нашем отношении к демократии. Но тогда теперешней, формальной демократии не будет, а будет социальная (трудовая) демократия производителей.

В заключении своей статьи т. Малатеста высказывает мысль, что русским т-щам, издавшим Платформу, «не дают покоя успехи большевиков в их стране». Мы думаем, что до прочтения этой статьи т. Малатеста прочтет изданную русской организацией анкету по вопросам анархической программы. Из этой анкеты он увидит, что побуждения и внутренние переживания авторов Платформы значительно глубже и серьезнее, чем это ему кажется, и они заслуживают более вдумчивого отношения к себе.

Ошибка т. Малатесты в том, что он не учел того чрезвычайно важного обстоятельства, что Организационная Платформа является продуктом не только великой русской революции, но также **продуктом анархического движения** в этой революции. Не учитывать этого обстоятельства при решении вопроса об основах и формах анархической организации нельзя. Какое место занимал анархизм в великом социальном перевороте в России в 1917 г.? Каково было отношение восставших масс к анархизму и анархистам? Что эти массы ценили в анархизме? Почему анархическое движение потерпело в этой революции поражение? Какие уроки преподала русская революция анархистам — Все эти и множество других вопросов неизбежно должны встать перед каждым анархистом, работающим над

вляют тюремщикам произвольно исправлять их нравственность.

Русский пролетариат должен быть на страже, ибо не только угнетаются его матери, жены и сестры, но отнимаются социальныя завоевания у половины русского пролетариата и тем наносится еще одна тяжелая рана трудовому Октябрю.

Восстановление независимости профсоюзов, которые должны деятельно взяться за защиту женского труда, — вот что должно стать одним из лозунгов дня.

И. Метт.

Безработица в Америке

Судя по всем имеющимся данным, безработица в Соединенных Штатах растет не по дням, а по часам. Безработица сильно развивается, в особенности, в таких больших промышленных и фабричных городах, как Нью-Иорк, Чикаго и др. По сообщениям правительственного Бюро труда, число безработных в стране достигает 2-х миллионов, но не может быть сомнения в том, что безработных в настоящее время гораздо больше, ибо даже в лучшие, так наз. «промышленные времена», Америка насчитывает одну миллионную резервную армию безработных. Самое же верное и правдоподобное число безработных в «золотой стране» наверное колеблется теперь между 3-мя и 4-мя миллионами!

Безработица, широкой волной разлившись по всей стране, захватила, понятно, и эмигрантские части рабочих, в том числе и русских рабочих. Среди последних насчитывается несколько десятков тысяч безработных.

Главной причиной теперешней безработицы является сокращение рабочих рук, вызванное не индустриальным кризисом или застоем в промышленности, а введением новых и технически - усовершенствованных машин. Незначительное число усовершенствованных машин, введенных на многих фабриках, заводах и мастерских, сразу сократило количество рабочих рук, и в результате — выброшенная на улицу безработная, голодная масса людей...

Положение безработных очень плохое, критическое. В некоторых городах среди безработных произошли даже отдельные случаи самоубийства. Но принимаются-ли какие-нибудь меры для облегчения участи безработных? Кто заботится о последних?

Разные господа из лагеря буржуазии — либералы, реформисты, политиканы — сильно заняты в настоящий момент изысканием средств против растущей безработицы. Они устраивают конференции и банкеты-балы, на которых много говорят, да хорошо едят. Но дальше этого они, разумеется, не идут... Но за то некоторые филантропические организации ухитрились устроить безплатные «столовки» и «ночлежки» для безработных. Наши социалисты, заседающие в некоторых государственных и муниципальных учреждениях, также заняты изысканием лекарств против безработицы. Они готовят новые планы и проекты для блага безработных... И, казалось, все

разрешением принципиальных и тактических задач анархического движения. Тов. Малатеста проходит мимо этих вопросов.

К организационной прблеме настоящего он подошел, как отвлеченный догматик. И это особенно непонятно для нас, привыкших видеть в Малатесте жизненного работника анархизма. Он **сверяет**, насколько те или иные положения Платформы согласуются с традиционными взглядами анархистов на организацию, и отрицает эти положения, находя, что они противоречат старым представлениям некторых анархистов об организации.

Ему совсем не приходит в голову мысль, что ошибочными могли оказаться именно старые представления анархистов об организации и что **в виду этого** и явилась в свет Организационная Платформа.

Отсюда у т. Малатесты ряд ошибок, недоразумений и противоречий, которые мы отметили выше.

Укажем еще на одно крупное упущение т Малатесты. В большой упрек ему следует поставить то, что он совсем не останавливается на идеологической базе Платформы и на ее конструктивной части .Ведь Платформа содержит в себе не только организационный план, но также ряд программных пунктов. Она также выдвинула определенный метод разрешения организационной проблемы, отвергнув метод соединения всех течений в одно (синтез) и метод анархо-синдикализма, как несостоятельные. В качестве реального и единственно возможного пути Платформа наметила «сбор активных работников анархизма на почве более или менее однородной программы». Тов. Малатесте необходимо было остановиться на этом методе и определенно высказаться. Он, однако, прошел мимо этого метода и мимо всей конструктивной части. Вывод же о Платформе он сделал общий. Это также придало его статье неустойчивый и противоречивый характер.

Анархизм призван не упираться лбом в свое прошлое, а **продолжать** его, преодолевая его недостатки. Особенность Платформы и вообще всей организации «Дела Труда» в том и заключается, что они чужды мертвых догм, а всегда стремятся строить свою анархическую деятельность, исходя из реальных фактов текущей действительности. Наша Платформа и вся остальная наша практика представляют собой первую попытку слить анархизм с текущей жизнью и на основе ее творить анархическую практику. В этом несомненный шаг вперед для всего нашего движения. Ибо лишь идя в ногу с текущей действительностью, лишь находясь в строжайшем соответствии с проблемами и требованиями эпохи, анархизм вырвется из тисков отжившей мертвящей догмы (фальшивый культ личности и др.) и станет животворящим движением масс.

П. Аршинов.

озабочены нуждами и интересами безработных. Но только сами рабочие — **эти прямые жертвы безработицы,** — они почему-то молчат...

Неужели нет средств против все более и более растущей безработицы, — средств, действительно могущих помочь безработным? Неужели нет исхода из создавшегося для рабочих тяжелого критического положения?

Мы знаем, что современная капиталистическая система производства устроена так, что каждые несколько лет, почти периодически наступают кризис и безработица, в результате которых масса рабочих вынуждена влачить полуголодное существование. В течение нескольких хороших годов под‘ема промышленности рабочие создают такое множество продуктов, такое изобилие с‘естьнх припасов, что им приходится долго ждать, пока потребление этих продуктов доходит до минимума, чтобы затем снова приняться за работу и снова после этого быть выброшенными из фабрики новой наступающей безработицей. Поэтому, чтобы такие явления не повторялись так часто, надо прежде всего организовать сильные рабочие организации таким образом, чтобы сами рабочие с‘умели пользоваться влиянием и правом в производстве продуктов. Вместе с тем, надо уменьшить, сократить рабочий день. Это даст возможность безработным найти работу и, естественно, пропитание. И наделяя работой всякого отдельного рабочего, можно будет легче встретить безработицу и ее, подчас, ужасные последствия.

Но все здесь сказанное является напоминанием скорее будущего, но не теперешнего времени. Безработные и голодные рабочие не могут насытиться и жить грезами о будущем справедливом обществе! Им необходимо сейчас, в данный момент, быть сытыми, обутыми и вообще жить сносно, по-человеечски. И для таких есть один выход, один путь: — брать для себя и для своих семейств все необходимое для жизни. Пусть все голодные и нуждающиеся рабочие общими организованными силами возьмут необходимые им средства пропитания. Пусть никто не страдает от голода, коль скоро есть изобилие продуктов и с‘естных припасов! Жить — это высший и священный долг каждого человека!

Враги рабочих, капиталисты и их прислужники, те, которые сами ничего полезного не производят, но подобно паразитам, тем не менее, живут и пользуются всеми благами в жизни, — они стараются уверить рабочих, что частная собственность священна и неприкосновенна, и что всякий, посягнувший на право чужой собственности, есть преступник. «Лучше умирать с голоду, нежели брать чужую собственность» — вот что говорят рабочим капиталисты и их друзья-защитники. Но разве самоубийство не есть преступление? Разве безработные и голодные рабочие не портят свою жизнь и свое здоровье постоянным недоеданием? И разве голод вообще не есть уже преступление? Отказать человеку в хлебе, в пище; отказать ребенку в молоке или матери в пропитании этого ребенка, — разве все это не есть преступление? Пусть только «друзья» рабочих однажды почувствуют острую боль нужды, голода и страданий и они перестанут говорить о неприкосновенности и священности частной собственности. Кроме человеческой жизни, не может быть ничего, более священного! Работают-ли рабочие или нет, — жить и питаться они должны всегда и при всех условиях! И если современный капиталистический строй устроен так, что он отказывает рабочим во всем необходимом, то священный долг рабочих — брать самим все необходимое для жизни, тем более, что капиталисты, а не рабочие, виновны в теперешней безработице и ее ужасных для рабочих последствиях.

Безработица и связанные с ней голод и страдания рабочих — очень частые явления в современном капиталистическом обществе. Для того, чтобы эти явления не повторялись каждые несколько лет, необходима борьба не за полу-меры или паллиативы, в сущности не изменяющие корня зла и не помогающие, поэтому, рабочим, а борьба за полное достижение рабочими своей конечной цели — освобождение труда от капитала, т. е. за анархо-коммунистическое общество, в котором труд будет свободен от эксплуатации, наживы и прибыли и в котором каждый будет трудиться сообразно своим силам и способностям и получать для жизни сообразно своим нуждам и потребностям.

Л. Липоткин.

ПИСЬМО ИЗ РОССИИ

Дорогой друг!

Ты может быть помнишь, что я тебе уже раз говорил коечто об оппозиции: ты отвечал, что это не интересно, и я и сам никогда не имел ни малейшей иллюзии насчет оппозиции. Но я чувствовал, что это серьезное начало, которое будет иметь результаты. Теперь они разбиты на голову, они может быть кончены, как политические деятели, движение недовольства пройдет отныне в стороне от них, но нужно им быть благодарными за одно: они показали, что несмотря ни на что, есть возможность поднять некоторую активность, они пробудили дух критики — это удержится. Замечается новое настроение умов: так же, как при старом режиме было порядочное количество правителей, генералов, цензоров, «либеральных» полицейских, от которых бывало услышишь: «Я обязан действовать так, но, вы знаете, я человек культурный, я не одобряю этих мер...», есть теперь коммунисты, не оппозиционеры, которые готовы оказать ту или иную небольшую услугу, которой слепо лойяльный коммунист не должен был оказывать. Это наши «либералы». Я думаю, что это явление еще усиливается.

Ты наверно лучше информирован, чем мы, так как ты внимательно читаешь русскую прессу. Но ты себе не представляешь, каков внешний облик Москвы. Он напоминает немного 1919 год: втечение трех месяцев видишь у молочных огромные хвосты хозяек. Чтобы получить немного масла, нужно иметь или жену, которая не работает, или платную рабыню, одним словом кого либо, кто был бы готов бегать, бросая всякое дело, когда соседка извещает: «Есть масло в таком то магазине». Нет яиц, нет чаю, часто нет сыру. Часто такие же хвосты за мылом. Иногда за керосином. Если перед мануфактурными магазинами нет хвоста, ты можешь быть уверен, что в нем нет

товару. Если один продукт появляется, другой исчезает. Наиболее возмутительно то, что в газетах появляются маленькие успокаивающие заметки: хотят убедить население, что имеется в его распоряжении то, чего нет на деле. Можно ведь было об'яснить: мы обязаны вывозить масло, яйца, керосин, мы недостаточно богаты, чтобы ввозить чай, следовательно, потерпите. Но предпочитают лгать, отрицать очевидное.

Ты следил за хлебозаготовительной кампанией. Из деревень приходят письма, которые говорят гораздо больше об этом. Власть хочет бороться, якобы, с кулаком. Но в действительности нападают на всех крестьян. Когда привозят ткани в деревню, бедняк не имеет зерна, чтобы купить; наоборот, богатый их скупает (чтобы их перепродать затем). Когда, наоборот придвигают сроки уплаты налогов, назначенные законом (это есть неисполнение государством его обещаний), то все облагаемые от этого терпят, и, конечно, больше всего неимущие. Я не знаю, каковы теперь твои взгляды на крестьянство. Но нужно признать, что здесь оно эксплоатируется всякими средствами; и укcплуатируется сознательно. У него из'яли в этом году 315 миллионов налогами; плюс около половины этого «добровольными взносами» (это знаменитое самообложение, которое, как ты верно понимаешь, не менее обязательно, чем налоги), что составляет 150 мил.; плюс, приблизительно, 60 проц. прибыли от водки, что составляет 360 мил., плюс обязательное страхование домов и скота, которое равно приблизительно 100 мил.; плюс разные налоги (косвенные) на сахар, спички и т. д., плюс, наконец, и главным образом, знаменитая разница между ценами на сельско-хозяйственные продукты и на промышленные изделия. Если принять, что крестьяне продают ежегодно в города 700 мил. пудов хлеба и что на каждом пуде они теряют 60 коп. (по сравнению с настоящими ценами на городские товары), то это будет еще 420 мил., которые у них крадут. Все это составляет миллиард. Ничего удивительного, что были крестьянские волнения, подавленные войсками и что, с другой стороны, семьи, отчаявшись, бросают поля и уходят, полагаясь на авось, в города. Здесь речь идет не о кулаках, но о всех крестьянах, и не смотря ни на что, кулаки все равно меньше всего страдают от этого положения. Во всяком случае, мы можем ожидать в будущем году хорошего урожая. ЦК проводит в деревне безумную политику.

Об участи пролетариата ты имеешь верное представление. 7-ми часовой рабочий день на текстильных фабриках, где он применен, делает работу более интенсивной, усталость большей (для ночной смены), всю жизнь более тяжелой (благодаря неприспособленности росписания трамваев ко времени открытия магазинов и т. д.). И почти повсюду в новых колдоговорах понижена зарплата: откуда и забастовки. В прессе об этом ни слова, кроме разве по недосмотру. Так, мы вдруг читаем, что все баснословные злоупотребления в Донбассе были раскрыты благодаря тому, что там были забастовки, но «начатые негодяями», прибавляется впрочем. Как в любой капиталистической стране рабочий не получает ничего, даже соблюдения существующих законов, без забастовки. Это поучительно для тех, кто ставит вопорс, какова истинная природа советского государства. И к тому не следует забывать, что зарплата в себестоимости товаров занимает то же место, что и при старом режиме.

Что стало с частью, раньше поглощавшейся акционерами? Статистика об этом не говорит. Но ясно, что акционеры налицо и сохранили свои аппетиты, они только зовутся: правление фабрик, трестов, секций и контор... Много говорили об уменьшении числа бюрократии ,о борьбе с ней, но ничего не изменилось. Выгоняют уборщицу, получающую 40 руб., ее нанимают на полдня (она проживет на 20 руб.), но высокие персоны остаются нетронутыми с их автомобилями, их премиями, с командировочными расходами.

Два слова по поводу премирования; на одном авиационном заводе в августе заметили, что годовая программа далеко не сможет быть закончена к первому октябрю. Принимаются крупные решения: поговорили с рабочими, обещали им премии в случае успешного окончания. Даешь! Каждый день отдували 2 часа сверхурочных и здорово ворочали: 1 октября программа была всецело закончена. Директор, проведший весь месяц в Кисловодске, получает свою премию, точно так же, как начальник мастерских и инженеры, а рабочим не досталось ни копейки.

Превосходная белошвейка в государственной мастерской, работая разумно, выигрывая как можно больше времени и рационализируя свои приемы, в конце концов получает за 2 недели от 30 до 40 рублей. Когда она заметила, что не обученные рабочие зарабатывают столько же и больше в других ремеслах, ей с важностью ответили: «это отсталое производство»...

Варшавский получил три года Суздаля. Петрини угрожает худший приговор, грязное обвинение (в сношениях с агентами итальянского правительства), а ГПУ не попытается даже его обосновать. 12 рабочих анархистов в провинции посланы на 3 года на Соловецкие острова за то, что по своему демонстрировали во время казни наших мучеников Сакко и Занцетти. Той же участи подверглись многие рабочие металлисты после забастовок на Люберецком и Коломенском заводах. Не говоря об оппозиционерах, в частности о сапроновцах, которые за то, что более деятельно работали в пролетариате, более деятельно же заточаются в тюрьмы. Они прибегли недавно к голодовке. Разультат ее пока неизвестен...

Я ужасно мало знаю о нашем международном движении. Трудно поверить: когда я находился в камере западно-европейской тюрьмы, под надзором агентов, я был гораздо более в курсе дела, чем теперь, когда я свободен... в свободной стране.

Значит, не пропускай ни одного случая, чтобы послать мне почитать. Не бойся за меня. Я крепок и не намерен подчиняться новой инквизиции. Я повсюду и гордо буду защищать до смерти мое право знать и передавать знание; муссолинизм меня не сломит.

5 марта 1928 г.

Непоследовательно

(«ГОЛОС ТРУДА» о «Платформе»).

В N 283 Аргентинского «Голоса Труда» на последней странице помещена заметка, неврачная на вид (помещена в отделе «почтовый ящик»), но задевающая как ряд революционных организаций анархизма, так и их организационные, а также программные положения.

В этой заметке Северо-американская Федерация анархистов-коммунистов извещается о том, что редакция «Голоса Труда» решила не печатать резолюции Федерации. Причины, — решение Исполнительной Комиссии Федерации русских рабочих организаций Южной Америки не подымать никакой полемики по поводу Платформы, а также и партии на страницах Голоса Труда.

Решение довольно странное. Ведь платформа выдвинула ряд положений и вопросов не только организационного, но и идеологического и тактического характера. Укажем хотя бы на проблему взаимоотношения между анархическими организациями и массовым рабочим движением, на роль анархистов в синдикатах, на положительные задачи первого дня социальной революции, на роль в этой революции анархических организаций и профорганизаций рабочих и т. д.

Уклоняться от обсуждений этих вопросов могут лишь те, кто не чует насущных потребностей рабочего движения, не живет ими. Ибо если не следует обсуждать ни вопросы рабочего и анархического движения, ни вопросы социалистического строительства, ни вопросы анархической организованности, то чем же будет заниматься рабочий революционный орган анархического направления?

Но согласимся с тем, что Исполнительная комиссия Южно-Американской рабочей Федерации считает за лучшее не обсуждать вопросов, выдвинутых Платформой; согласимся, что ее решения не поднимать *никакой* полемики по поводу Платформы вытекают из ее глубокого убеждения во вреде полемики; что это решение серьезно и об'ективно. Согласимся со всем этим и с чувством товарищеского доверия положимся на принятые решения Исполнительной комиссии. Увы! решения эти не продержались дольше первых двух трех строк заметки редакции «Голоса Труда». В следующих строках той же заметки решения эти игнорируются и редакция Голоса Труда вступает в крайне грубую полемику как с самой Платформой, так и с организациями, ее придерживающимися.

С самого начала редакция «Гол. Тр.» Платформу и выраженные ею идеи называет «прискорбным новшеством в рядах анархизма,» и заявляет, что анархическое движение в Сев. Америке «приняло *антианархические* основы и формы». Редакция «Гол. Тр.» не говорит, на каком основании она бросает такой упрек нашему движению в Сев. Америке, но по содержанию заметки видно, что упрек бросается за близость Северо-Американской организации к идеям и принципам Платформы.

И это называется «решили не подымать никакой полемики по поводу Платформы»!

Далее заметка утверждает, что «принципы организации, предлагаемые Платформой, не только не анархичны, но прямо антианархистичны». В доказательство редакция «Гол. Тр.» ссылается на статью Малатесты, написанную по поводу Платформы, и приводит из нее выдержки, критикующие отдельные места Платформы. Более того, редакция сообщает, что в недалеком будущем она будет печатать статью Малатесты с тем, чтобы показать антианархичность Плафтормы. И наконец, в конце заметки она говорит, что южно-американская федерация тоже отрицательного мнения о Платформе и называет деятельность авторов Платформы разлагающей анархические ряды.*)

Все это было написено тотчас после горделивого заявления о том, что Исполнительная комиссия «решила никакой полемики по поводу Платформы не подымать». Вряд ли можно написать заметку в несколько строк более противоречивую и более непоследовательную, чем эта.

Но заметка эта не только непоследовательна и легкомысленна, — она еще пристрастно-небрежна в отношении товарищеских организаций. В отношении северо-американских товарищей ред. Гол. Тр. поступила безусловно несправедливо. Можно избегать в газете полемики и на этом основании отклонять те или иные статьи (хотя резолюции конференции анархистов Сев. Америки не содержали в себе ничего ни полемического, ни специально платформисткого.). Но когда документ отклоняется, якобы, по соображеньям об'ективности, а в то же самое время и этот документ и его авторы подвергаются пристрастной критике и осуждению, то поступок принимает не об,'ективный уже, а явно несправедливый и нетоварищеский характер.

Подобные факты возможны в двух случаях: либо при неумении редакции писать и следить за своими мыслями, либо при пристрастном отношении авторов к какой либо одной стороне.

От души желаем редакции «Голоса Труда», связанного с нами общей идей и революционной деятельностью, преодолеть одно и другое.

П. А.

---

*) *Говоря, что Федерация отрицательного мнения о Платформе, ред. Голоса Труда допускает ошибку. Не все организации, входящие в федерацию, такого мнения. Так, Культурно-Просветительный кружок русских рабочих в Каруэ, входящий в федерацию, в резолюции от 23 сент. 1927 г. приветствует появление Платформы, журнал Дело Труда, а также идею создания енархо-коммунистической партии.*

Наборные машины

(*Письмо из Нью-Иорка*)

Все попытки Федерации анархо-коммунистических групп Соединенных Штатов и Канады забрать хотя бы одну из двух наборных машин у «рассветовцев» оказались тщетными. Группа «рассветовцев» в Нью-Иорке со слепым озлоблением к Федерации и с рабской угодливостью перед Рубежаниным и Окунцовым из кожи вон лезла, чтобы продать обе машины и отдать долг

этим двум чуждым анархическому движению типам. Спустя пару месяцев после переезда «Рассвета» в Чикаго эта кучка головотяпов подыскивала покупателя на машины, но так как купчие на машины находились в руках адвоката, не желавшего передать им эти бумаги без ведома пайщиков, то в то время охотников купить эти машины не находилось. И в силу необходимости ими была созвана конференция организаций, приобревших машины, на 13 февраля 1927 г. А так как к этому времени таких организаций не было уже, то на конференцию явились делегаты от групп вновь созданных по многим городам Америки товарищами, ушедшими от «Рассвета» из-за совершенного уклонения его от принципов безвластия, от групп, которые были об'единены в федерацию. «Рассветовских» делегатов было меньше на конференции, чем от Федерации, да и то от фиктивных организаций. Ибо кое-где павшие физически и, следовательно, морально рассветовцы об,единились в Общества Взаимопомощи, а потому не посмевших прислать своих представителей на конференцию, где предстояло решение вопроса о машинах, приобретенных анархическим движением и, следовательно, по праву принадлежащих таковому. Оказавшись на конференции в меньшинстве и не желая бежать с нее позорно, «рассветовцы» согласились, чтобы одну машину забрала наша Федерация, а другая чтобы осталась у них. Зато придя в свое логовище из конференции, имея в своих руках машины и чувствуя себя хозяевами положения, они вероломно нарушили этот обеими сторонами принятый договор: они заявили, что машины федерации не дадут, говоря, что вопрос о машине может быть решен только пайщиками, которых они рассветовцы, постараются созвать. Теперь, когда наборные машины проданы путем создания различных юридических комбинаций, мы убедились, что это была ложь, на которую способны лишь «рассветовцы».

Итак, машины проданы. Предсказания отдельных лиц в 1919 году, что машины в конце концов перейдут в руки какой-либо кучки, сбылись. Правда, не машины перешли в руки Рубежанина, Окунцова и других работавших при «Рассвете» лиц, а деньги, вырученные за них. Но суть дела не меняется от этого: : машины проданы не в пользу движения, приобревшего их, а в личную пользу отдельных лиц. Однако, не было бы так жаль общественного имущества, если бы долг, ради выплаты которого проданы машины, был сделан по вине организаций, решивших издавать «Рассвет». Никто в таком случае не упрекнул бы рассветовцев в продаже машин ради выплаты долга рабочим. Но долг сделан по вине получивших деньги, вырученные за машины, и главным образом по вине Рубежанина и Окунцова. Ведь оба эти типа, обуреваемые желанием быть главными колониальными руководителями, настояли на том, чтобы продолжать издавать «Рассвет» вопреки решению конференции в 1924 г. заключавшемся в том, чтобы прекратить издание газеты в том случае, если запасной фонд окажется исчерпанным и газета на счет об'явлений и пожертвований не сможет существовать. В течении трех недель после выхода в свет газеты запасной фонд в 800 дол. был бессмысленно исчерпан, а доход газеты был сравнительно ничтожен. Стало очевидно, что долгов не избежать, если допустить, чтобы газета существовала. Последовали требования прекращения издания. Некоторые рабочие готовы были оставить работу и уйти, но Рубежанин с Окунцовым настаивали на продолжении выпуска таковой и начали предсказывать «Рассвету» великое будущее; но так как этим нельзя было воодушевить павшую в унынии типографскую братию, то у какой-то русской газеты были уворованы адресса подписчиков, по которым были посланы письма. Стали ждать быстрого увеличения количества подписчиков, долг при газете начал рости с головокружительной быстротой и к осени 1925 г. достиг 8000 дол. Вот кем и как были наделаны долги при «Рассвете». Продавая машины, «рассветовцы» прекрасно понимали это.

Кстати и в заключение напомним, что в 1921 году большевики сделали было попытку захватить машины в свои руки. Им это не удалось. Члены Союза Российских Тружеников Нью-Иорка заставили большевиков силой уйти во свояси. Что же в это время делали «рассветовцы»? О, они видите ли, были в то время «страшными» революционерами и выдержанными анархистами; вели борьбу против Американских Известий, выпускали «Волну» и считали ниже своего достоинства иметь какие-либо сношения с людьми, выпускавшими Американские Известия. Они в силу этого готовы были путем прямого действия сбрасывать с трибун вниз головой таких людей, как Рубежанин и Окунцов, фактически заслуживающих этого. А теперь?! Теперь эти два типа, эти блуждающие кометы и беспринципные хамелеоны стали для бывших принципиальныхКарпиков, Карпеней, Нагорных, Кулив, Вышинских и пр. и пр. идолами. Ради них они и машины продали.

И. ДАНИЛЮК

Большевистская диктатура в свете анархизма

(Десять лет советской власти)

Коллективное исследование

Книга, название которой приведено выше, и из которой мы в настоящем номере «Д. Тр.» печатаем главу об оппозиции, приготовлена к печати, но еще не издана. Она является первым серьезным трудом русских анархистов по подведению итогов десятилетия большевистской диктатуры и злокачественной роли этой диктатуры в русской революции. Она содержит в себе огромный фактический и цифровой материал, рисующий в истинном свете городское хозяйство, сельское хо-

зяйство, кооперацию, политическую жизнь в СССР и т. д. Вот приблизительное содержание этой книги: большевистская революция и политический режим большевиков; — большевистское хозяйство и большевистская политика в деревне. Кулаки, середняки, бедняки; — бельшевистское хозяйство и большевистская политика в городе. Экономическое и правовое положение рабочих; — профсоюзы, их роль в большевистском государстве; — безработица в СССР и ее корни; — кооперация; — положение науки; — происхождение оппозиции в компартии, ее характер и устремления. —

Книга представляет огромный интерес и огромную ценность прежде всего для каждого анархиста и рабочего. Для всех нас она явится прекрасным политическим и экономическим руководителем в современной российской действительности.

Заграничная организация русских анархистов - коммунистов «Дело Труда», совместно с федерацией анархо - коммунистических групп Сев. Америки и Канады прилагают усилия **для скорейшего издания** этой, столь нужной и ценной книги. Но необходимо, что бы наши товарищи и товарищеские организации на местах с своей стороны проявили усилия для скорейшего выпуска этой книги. Необходимо срочно отозваться денежной помощью. Необходимо, с другой стороны, всюду на местах организовать **предварительную подписку** на книгу среди интересующихся анархизмом рабочих. Собранные путем такой подписки средства помогут быстро издать книгу, которая по выходе в свет, немедленно будет разослана через наши местные организации предварительным подписчикам.
Кроме того, нашим местным организациям, по выходе книги в свет, надо позаботиться о наиболее широком распространении ее среди русских рабочих Сев. и Южн. Америки, а также Европы.
Предполагаемая цена книги — 60 или 50 амер. сент.

СМЕРТЬ П. Б. АКСЕЛЬРОДА.

На 79-ом году жизни умер в Германии *П. Б. Аксельрод*, бывший в 70-ых годах бакунистом, а затем ставший одним из основателей и виднейших руководителей русской социал-демократической партии, а также социалистического интернационала.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Ред. «Голоса Труда», Буэнос-Айрес: № 29 «Д. Тр.» вам был послан своевременно в колич. около 200 экз. Полагаем, что затерялся в ваших краях. Посылаем вам дополнительно 60 экз. № 29. Цена на журнале в северо-американских сентах. Вы можете продавать по своей аргентинской расценке, если надйете это нужным.

Тов. I. Pollacky, книга И. Генкина «По тюрьмам и этапам» получена и передана по назначению. Вам было послано письменное уведомление об этом.

«ДЕЛО ТРУДА» ИСПЫТЫВАЕТЪ ОСТРУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ НУЖДУ»

Из за неимения средств (дефицит свыше 180 дол.) журнал «Дело Труда» находится под угрозой невыхода в июне, а быть может и далее. Товарищи —северо-американцы, СССР. и др. мест, сделайте необходимые сборы и придите своевременно на помощь журналу.

ОТЧЕТ

Группы русских анархистов загран. от 5 апреля по 5 мая 1928 г.

ПРИХОД:

От Филадельф. Группы «Libertarien Jouth» (30 дол.) — 761 фр.
Из Нью-Иорка через т. Данилюка (5 дол.) — 125 фр.

Итого 886 фр.

РАСХОД:

Стоимость № 36 «Д. Тр.» .... 1200 фр.
Организационные расхода .... 22.30 фр.
Корреспонденця .... 56.50 фр.
Экспедиция № 35 «Д. Тр.» .... 218.50 фр.

1497.30 фр.

Дефицит 611.30 фр.
Дефицит по отчету № 35 «Д. Тр.» — 3.959.30
Последний дефицит — 4570.60 фр. (183.— дол.).

ПРИМЕЧАНИЕ:

В Групповом Отчете «Дело Труда» № 35 вкрались следующие ошибки:

а) Не отмечена **сумма в 75.— фр.** от Союза Росс. Труж. гор. Монтреаля по подписному листу № 3 через т. Душина.

б) Не отмечено, что сумма по подписному листу № 10 поступила через т. Лычека.

г) **Сумма прихода** составляет 3873.— фр.

д) В расход не вышла сумма в 215.— фр. на экспедицию № 32 «Д. Тр.».

е). Сумма расхода составляет 3704.50.

ж) Окончательный дефицит по отчету № 35 «Д. Тр.» составляет 3959.30 фр.

ОТЧЕТ в средствах, поступивших в пользу заключенных в России Анархистов от 15 января по 15 мая 1928 г.

ПРИХОД

Отъ Детроитского Об-ва Помощи Полит. Заключ., через т. Тананко .... 163 дол.
Отъ Союза Российских Труженников г. Монтреаля .... (8 д. 50 с.) 212 ф. 50 с.
Отъ Детроитского О-ва Помощи через т. Тананко .... 31 д.
От Союза Российских Труженников г. Юнг. Стоуна .... 10 д. (250 фр.)

Итого 212 д. 50 с.
Остаток на 15 января .... 124 д. 85 с. 1239 фр. — с.

Итого приход 337 д 35 с. 1239 фр. — с.

РАСХОД

Остаток на 15 мая .... 134 д. 25 с. 1239 ф. — с.
мая .... 203 дол.10 с.

Остаток на 15 мая .... 135 д. 25 с. 1239 ф. — с.

ПРИМЕЧАНИЕ. В № 32 в остатке вкралась ошибка: следовало быть: 124 д. 85 с. 1239 ф. —

Gérant: L. LORÉAL Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris